

The background of the entire image is an abstract composition of fluid, overlapping waves in various shades of pink and red. The waves create a sense of movement and depth, with lighter pinks at the top and darker reds at the bottom. The overall effect is ethereal and artistic.

Наталья Зими́на

Соль

Наталья Зими́на

Соль

<https://litres.ru/74658777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера видит смерть человека в чайной гуще — один кадр, одно последнее мгновение. Она может изменить увиденное, но каждое вмешательство стирает одно её собственное воспоминание. Навсегда.

После смерти бабушки Вера находит дневник — сорок восемь листов, исписанных почерком женщины, которая сорок лет платила памятью за чужие жизни. И не она первая: дар передаётся по роду, как соль — из банки в чашку, из рук в руки.

Когда Вера влюбляется в человека, чью смерть видит снова и снова, она выбирает: спасти — и забыть. Или помнить — и потерять. Четыре раза она спасает. Четыре раза забывает. На пятый — понимает: она не предсказывает будущее. Она его создаёт. Своим страхом. Своим вмешательством. Своим выбором.

Соль — это то, что остаётся, когда вода испарилась. Соль — это то, что мы помним, когда всё остальное забыто.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Наталья Зими́на

Соль

Глава

ГЛАВА 1. ПОХОРОНЫ

Бабушка умерла во вторник, а в пятницу Вера уже стояла на кладбище в Кинешме и держала над головой крышку от гроба. Крышка была тяжёлая, крашенная в синий, и пахла лаком — как детство, как дача, как все вторники, которые больше не повторятся.

Бабушку звали Аглая Дмитриевна, ей было восемьдесят четыре, и она умерла во сне — тихо, без будильника, как выключили. Соседи говорили: хорошо ушла. Вера думала: хорошо — это когда успеваешь попрощаться. Она не успела. Она узнала о смерти из SMS от матери: «Бабушка умерла. Приезжай».

Шесть слов. Мать умела писать коротко. Вера нет.

После кладбища были поминки — в бабушкиной квартире на третьем этаже, с видом на Волгу. Квартира была маленькая: две комнаты, кухня, балкон, на котором сушилось бельё соседки сверху. Женщины носили еду. Мужчины пили. Все говорили «царствие небесное» и крестились, хотя половина не была в церкви лет двадцать.

Вера сидела в углу и молчала. Она была здесь чужая — из Москвы, в чёрном пальто, с телефоном, в котором висело сорок непрочитанных писем от работы. Она приехала на два дня. Похороны — суббота. Уезжать — воскресенье. В понедельник — совещание.

Тётя Люба — соседка снизу, семьдесят шесть лет, руки в муке — поставила перед ней чашку.

— Пей, Верушка. Бабушкин чай. Байховый, не пакетики.

Чашка была бабушкина — из сервиза. Фарфор, синяя кайма, золотая ручка. Вера взяла её двумя руками — не потому что горячо: потому что тяжело. Чашка весила больше, чем должна была. Как всё, что осталось от бабушки.

Чай был крепкий, тёмный, с сахаром. Вера выпила половину и поставила чашку на блюдце. Чай оставил на дне гущу — тёмную, густую, с чаинками, которые легли в узор.

Вера наклонила чашку. Посмотрела.

Она увидела лестницу.

Подъезд. Пятый этаж. Бетонные ступени, перила, окрашенные синей краской. Женщина — семидесяти с чем-то, в халате, с ведром в руке — ставит ногу на верхнюю ступень. Нога соскальзывает. Ведро падает. Женщина падает. Затылком о край ступени. Звук — короткий, сухой, как треснувшая ветка.

Вера подняла глаза. Тётя Люба — соседка снизу — сидела напротив и ела бутерброд с килькой.

— Что? — спросила тётя Люба. — Чего смотришь?

Вера открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Тётя Люба. Вы живёте на четвёртом?

— На третьем, Верушка. А что?

— А кто живёт на пятом?

— Валентина Петровна. А что?

Вера смотрела в чашку. Гуща лежала на дне — тёмная, густая, с чаинками, которые сложились в лестницу. Пятый этаж. Синие перила. Женщина с ведром.

Она не сказала ничего. Не потому что не хотела — потому что не знала, как. «Я вижу в чайной гуще, как вы умрёте» — это не та фраза, которую говорят на поминках.

Чашка стояла на блюдце. Чай остывал. Гуща — лежала.

Вера закрыла чашку ладонью. Как закрывают глаза мертвецу.

ГЛАВА 2. ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

Валентина Петровна упала в понедельник.

Вера узнала об этом в среду — от тёти Любы, по телефону, между «как доехала» и «у нас дожди».

— Валентина-то наша померла. С лестницы. В понедельник. Ведро несла — на пятый, воду отключали. Нога поехала — и всё. Затылком. Мгновенно. Не мучилась.

Вера стояла в московской кухне, держала телефон плечом и наливала кофе в кружку. Руки не дрожали.

За окном — Москва, восьмой этаж, пробка на Ленинградке. Пахло кофе и стиральным порошком из машинки, которая крутилась ночью. Холодильник гудел — той нотой, ко-

торуую слышишь только когда всё остальное замолчало. На полке — банка растворимого, «Нескафе», красная. Не чай. Не бабушкин байховый. Не тот.

— В каком часу? — спросила она.

— Утром. Часов в восемь. А что?

— Ничего. Извините. Мне пора.

Она положила телефон. Села на пол. Кофе вылился — не весь, половина — и растёкся по плитке коричневой лужей. Пахло кофе и чем-то ещё. Чем-то, что Вера не могла назвать.

Она видела. За три дня. В чайной гуще. На бабушкиных поминках. Она видела — и ничего не сделала.

Можно было сказать. Можно было позвонить. Можно было написать Валентине Петровне — «не выходите на лестницу в понедельник с ведром». Можно было. Можно было. Можно было.

Вера сидела на полу и смотрела на лужу кофе. В луже отражался потолок — белый, с трещиной у люстры. Трещина шла от центра к краю — как трещина на бабушкиной чашке. Вера не помнила, когда чашка треснула. Она вообще мало что помнила про бабушкины вещи. Она была здесь — в Кинешме — четыре раза за десять лет. На Новый год. На день рождения. На похороны деда. На похороны бабушки.

Четыре раза. Сорок восемь часов в общей сложности. Двое суток. Столько времени нужно, чтобы посмотреть сериал.

Вера встала. Вымыла пол. Выбросила кружку. Пошла на работу.

На совещании её спросили про наследство. Она сказала: «квартира, сервиз, книги». Её спросили: «много книг?». Она сказала: «не знаю». Она не знала. Она не знала, что бабушка читала, что бабушка думала, кем бабушка была — кроме как «бабушкой».

Вечером она купила билет на электричку. На пятницу. Обратно в Кинешму.

ГЛАВА 3. ДАР

Бабушкин дневник лежал в ящике кухонного стола — под скатертью, под старыми квитанциями, под пакетом с пуговицами. Обычная тетрадь в косую линейку, сорок восемь листов, исписанных бабушкиным почерком — крупным, наклонным, с нажимом.

Вера открыла первую страницу.

«3 марта 1962 года. Сегодня увидела смерть Петра Ивановича в чае. Упал с крыши сарая. Через два дня. Не сказала. Он упал. Я знала. Я молчала».

Вера перевернула страницу.

«17 марта 1962. Увидела смерть соседки Клавы. Родовая горячка. Спасла — отвезла в район. Клава жива. Я забыла, как выглядела моя свадьба. Вся. Целиком. Есть фотография — не узнаю себя».

«2 апреля 1962. Каждое спасение — минус одно воспоминание. Свое. Отекает память. Я решаю: чья жизнь важнее —

её или моя? Каждый раз — её».

Вера читала всю ночь.

Бабушка видела смерти в чайной гуще с восемнадцати лет. Каждое видение — один кадр: последнее мгновение. Она не видела дату, не видела причину — только картинку. Один стоп-кадр чужого конца.

Она могла вмешаться. Могла изменить. Могла спасти. Но каждое вмешательство стирало одно воспоминание — не любое, не случайное. Стирало самое тёплое. Самое личное. Как будто память платила пошлину — не деньгами, а смыслом.

«Я перестала вмешиваться в 1985-м. К тому времени я не помнила лица мужа. Не помнила, как родилась моя дочь. Не помнила детства. Я помнила: как заваривать чай, как читать гущу, как молчать. Я стала чашкой».

Единственное, что осталось от прабабушки, — ложка. Серебряная, маленькая, с монограммой «А». Вера нашла её в ящике кухонного стола — вместе с дневником. Ложка была для чая. Прабабушка размешивала ею соль. «Для памяти». Той памяти, которой у неё уже не было. Ложка — осталась. Память — нет. Соль — есть.

Мать рассказывала: прабабушка не помнила имени дочери. Называла её «девочка с ложкой» — потому что девочка всегда таскала серебряную ложку из ящика. Таскала и не понимала зачем. Просто держала. Как держат память, которой нет. Та самая ложка — с монограммой «А» — лежала в

ящике кухонного стола. Единственное, что от неё осталось. Вера нашла её вместе с дневником.

Вера закрыла дневник. Посмотрела на кухню — бабушкину, маленькую, с газовой плитой «Брест», с окном на Волгу, с чайником, который бабушка никогда не мыла снаружи («накипь — вкус»). На подоконнике — банка с солью. Крупной, серой, морской. Бабушка сыпала её в чай. «Соль — для памяти», — говорила. Вера думала — шутка.

Не шутка.

Соль на подоконнике. Сервиз в буфете. Чайник на плите. И дневник — сорок восемь листов, исписанных почерком женщины, которая отдала всю свою память за чужие жизни.

Вера взяла чашку — бабушкину, синюю кайму, золотую ручку. Налила чай. Выпила. Наклонила чашку.

Гуща легла. Вера посмотрела.

Она увидела мальчика. Велосипед. Дорога. Машина.

Через четыре дня.

Она закрыла глаза. Открыла. Посмотрела снова.

Мальчик. Велосипед. Дорога. Машина. Красная.

Вера достала телефон. Набрала номер тёти Любы.

— Тётя Люба. У вас в доме есть мальчик лет десяти? На велосипеде?

— Есть. Внук Валентины Петровной. Митька. А что?

ГЛАВА 4. ВТОРОЙ ШАНС

Митька — внук Валентины Петровны — ездил на велосипеде «Салют» по двору каждое утро с восьми до девяти. Вера знала это от тёти Любы. Она сидела на лавке у подъезда с чашкой остывшего чая и ждала.

Митька выехал из-за угла в восемь семнадцать. Красный велосипед, жёлтый рюкзак, лицо сосредоточенное — как у человека, который едет по делам. Он проехал двор, свернул к арке — выезд на дорогу. Красная «Ока» припаркована у бордюра. За «Окой» — дорога. По дороге — машина.

Вера видела: в гуще — мальчик на велосипеде выезжает из арки. Красная машина. Удар. Велосипед — под колёса. Рюкзак — на асфальт. Всё.

Она встала с лавки. Подошла к арке. Митька крутил педали — уже близко, уже метрах в десяти.

— Митька! — крикнула она.

Мальчик обернулся. На секунду. Педаль соскользнула. Велосипед качнулся. Митька упал — не на дорогу, на тротуар. Колено об асфальт. «Ока» стояла. Дорога была пуста.

Вера подбежала. Митька сидел на асфальте и смотрел на колено — разбитое, с кровью, с песчинками.

— Ты кто? — спросил Митька.

— Никто. Не ездей через арку. Там машина.

— Там нет машины.

— Будет.

Она довела его до подъезда — за руку, за руль велосипеда. Тётя Люба вышла на крыльцо с мокрыми руками.

— Верушка! Что случилось?

— Митька упал. Колено. Обработайте.

Вера отдала велосипед и пошла наверх — в бабушкину квартиру, на третий этаж. Она чувствовала себя хорошо. Спокойно. Легко.

Она открыла дверь. Прошла на кухню. Села. И поняла: чего-то нет.

Чего-то — нет. Не вещи, не предмета, не факта. Чего-то, что было — и стало пустым. Как будто в комнате вынесли мебель — и осталась вмятина на ковре. Форма есть. Содержания нет.

Вера попробовала вспомнить: первый день в школе. Она знала, что он был. Сентябрь, 1998-й, школа номер двенадцать, форма с фартуком. Но она не помнила: как это выглядело. Как пахло. Кто держал её за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.